

ТЕОРИЯ ТЕМНОГО ВЛЕЧЕНИЯ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН

ЕЛЕНА КОПС

18+

Елена Копс

Теория темного влечения

«Автор»

2026

Копс Е.

Теория темного влечения / Е. Копс — «Автор», 2026

Елена Ланская — холодный профессор криминальной психологии, привыкшая изучать природу одержимости исключительно на бумаге. Денис Кросс — самый циничный и дорогой «адвокат дьявола» в городе, виртуозно спасающий опасных преступников ради мести порочной системе. Они сталкиваются в громком судебном процессе как непримиримые оппоненты, устраивая блестящие словесные дуэли, полные яда и скрытого магнетизма. Но когда Елене начинает угрожать реальный преследователь от криминального синдиката, её стерильная безопасность рушится. Денис нарушает профессиональный регламент и увозит её в свой изолированный лесной дом-бункер. В условиях вынужденной изоляции их ментальное противостояние взрывается безудержной страстью. Способны ли они преодолеть глубокие шрамы прошлого и довериться друг другу в огне общей одержимости, где контроль уступает место чувственной обнаженности?

© Копс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Копс

Теория темного влечения

Глава 1

Елена

— Одержимость — это не про любовь. Это про дефицит.

Я сделала паузу, позволяя звуку собственного голоса разбиться о старые дубовые панели амфитеатра третьей лекционной аудитории. Сто пятьдесят студентов третьего курса юридического факультета замерли. Даже парень на заднем ряду, последние полчаса увлеченно скролливший ленту, поднял голову от телефона.

— Когда мы изучаем сталкеров или серийных преступников с фиксацией на жертве, мы ищем не избыток чувств, — я поправила дужку очков, чувствуя, как привычная прохлада пластика возвращает мне абсолютный контроль. — Мы ищем дыру. Черную дыру в их психике, которую они пытаются заткнуть чужой жизнью. Объект одержимости — это не человек. Это пластырь на гниющей ране.

Девушка во втором ряду подняла руку, её глаза блестели от романтического романтизма, свойственного двадцатилетним. — Профессор Ланская, но ведь бывает же... ну, безумная любовь? Когда человек просто не может дышать без другого? В кино это выглядит красиво.

Я позволила себе едва заметную, горькую улыбку. Из тех, что маркетологи называли бы «интеллектуальным шармом», а мой психотерапевт — «вытеснением».

— В кино, госпожа Соколова, это называется кассовым сбором. В уголовном праве — статьей за преследование, нарушением неприкосновенности частной жизни, а в худшем случае — умышленным причинением вреда. Если кто-то не может без вас дышать, это не любовь. Это астма. И лечить её нужно у специалистов, а не в романтических переписках.

По аудитории прошел смешок. Быстрый, легкий пинг-понг со студентами — моя любимая часть дня. Здесь, за кафедрой криминальной психологии, мир был логичным. Каждая девиация имела классификацию, каждый маньяк — понятный мотив, каждая травма — латинское название. На бумаге всё выглядело стерильно. Безопасно.

Я перелистнула слайд презентации. На экране появилось фото сгоревшего дома.

— Завтра вы присутствуете на открытом разборе дела Артура Шелла. Наш местный поджигатель. Шесть объектов за два года. Идеальный пример пиромании, переросшей в Obsession. Он сжигал дома только тех женщин, которые отказывали ему во внимании. Огонь для него — высшая форма обладания. Если я не могу согреться в твоих руках, я сожгу тебя дотла. Запомните этот паттерн. Вопросы?

Вопросов не было. Пронзительный звонок возвестил об окончании пары. Аудитория зашумела, упаковывая ноутбуки и пряча тетради.

Я медленно собирала свои вещи. Кожаный портфель, папка с распечатками, перьевая ручка. Мои пальцы коснулись гладкой поверхности стола. Мой маленький ритуал заземления. Никто из этих детей не знал, почему тридцатилетний профессор Ланская живет в квартире с тремя замками, не пользуется социальными сетями и никогда, абсолютно никогда не оставляет окна открытыми, если уходит из дома даже на пять минут.

Они видели холодный разум. Мой скелет в шкафу был надежно заперт на замок, ключ от которого я выбросила в реку еще семь лет назад.

К семи часам вечера город накрыл плотный, тяжелый октябрьский дождь. Воздух пах озонем, мокрым асфальтом и гниющими листьями — густой, почти осязаемый запах осени.

Я сидела в своем кабинете, когда мой телефон завибрировал на полированном дереве стола. Экран высветил имя: *Судья Бородин*.

— Слушаю, Виктор Сергеевич, — ответила я, прижимая трубку плечом к уху и продолжая просматривать заключение экспертизы по Шеллу.

— Елена Андреевна, добрый вечер, — голос старого судьи звучал непривычно хрипло и устало. — Извините за поздний звонок. Нам нужна ваша помощь. Завтрашнее заседание по делу Шелла. Вы заявлены как независимый эксперт от обвинения.

— Да, всё в силе. Моё заключение готово. Психиатрическая вменяемость присутствует, несмотря на явное обсессивно-компульсивное расстройство. Его место в тюрьме, а не в лечебнице.

— Дело усложнилось, — Бородин вздохнул, и я услышал шуршание бумаг на его конце провода. — Предыдущий адвокат Шелла взял самоотвод. Час назад в процесс вошел новый защитник со стороны обвиняемого.

Я нахмурилась, откладывая ручку. — И кто же этот камикадзе? Дело ведь проигрышное. Улики неопровержимы.

— Денис Кросс.

Имя повисло в тишине кабинета, словно капля чернил, упавшая в стакан с чистой водой.

Денис Кросс. Адвокат дьявола. Самый циничный, дорогой и результативный защитник этого города. Человек, который умудрялся вытаскивать из-за решетки торговцев оружием, коррумпированных чиновников и убийц, просто находя процессуальные ошибки в делах или филигранно уничтожая свидетелей на перекрестных допросах. О его жестком, почти садистском стиле ведения процесса ходили легенды.

— Кросс не берется за дела поджигателей-неудачников, если за этим ничего не стоит, — медленно произнесла я, чувствуя, как внутри просыпается профессиональный азарт, смешанный с легким уколом тревоги.

— Вот именно, — подтвердил Бородин. — Ему заплатил кто-то влиятельный. Возможно, Шелл поджег один из объектов не из-за своей «одержимости», а по заказу для устранения конкурентов, а его психический диагноз — лишь прикрытие. Кросс собирается разбить твою экспертизу в пух и прах, Лена. Он уже потребовал приобщить к делу альтернативное заключение и собирается допрашивать тебя лично. Он сделает всё, чтобы признать Шелла невменяемым и отправить его в частную клинику, откуда тот выйдет через полгода.

Я откинулась на спинку кресла, глядя на капли дождя, стекающие по оконному стеклу. Внутри меня что-то щелкнуло. Мой холодный, аналитический ум принял вызов.

Денис Кросс привык иметь дело со слабыми людьми, которыми можно манипулировать. Он привык ломать свидетелей, играя на их эмоциях. Но у меня не было эмоций. На работе я была машиной, состоящей из фактов и логики.

— Пусть пробует, — тихо, но твердо сказала я. — Моя теория безупречна, Виктор Сергеевич. Я обосную каждое слово своего заключения. До встречи в суде.

Повесив трубку, я открыла ноутбук и вбила в поисковую строку: «*Денис Кросс, адвокат*».

Экран осветил мое лицо бледным сиянием. С фотографий на меня смотрел мужчина лет тридцати пяти. Резкие, словно высеченные из мрамора черты лица. Безупречный костюм-тройка, идеально сидящий на широких плечах. Темные волосы, зачесанные назад. Но больше всего меня поразили его глаза. Светлые, почти прозрачные, с тяжелым, сканирующим взглядом хищника, который точно знает уязвимое место своей жертвы еще до начала боя.

На одной из видеозаписей пресс-конференции он слегка улыбался журналистам — цинично, одними уголками губ, транслируя абсолютное, граничащее с социопатией превосходство.

Я смотрела на него, и мое сердце почему-то сделало лишний, тяжелый удар.

— Ну что ж, господин Кросс, — прошептала я в пустой кабинет. — Давайте проверим, насколько крепка ваша броня.

Я закрыла ноутбук, взяла пальто и вышла в дождливую ночь, не подозревая, что игра, в которую я вступаю, уже давно вышла за рамки судебного регламента.

Глава 2

Денис

Запах победы всегда одинаков: это смесь дорогого парфюма, дешевого страха и едва уловимого аромата озона от кондиционеров в зале суда. И, черт возьми, я обожаю этот запах.

— На основании изложенного, руководствуясь статьями уголовно-процессуального кодекса, суд постановил: признать Резника Бориса Альбертовича невиновным ввиду отсутствия состава преступления...

Голос судьи монотонно бубнил финальные формулировки, но я уже не слушал. Я застегнул среднюю пуговицу своего темно-серого пиджака и не спеша начал собирать бумаги в кожаный портфель. Дело было сделано. Очередное «безнадежное» дело, как окрестили его в прессе.

Мой подзащитный, заместитель мэра по градостроительству, сидел рядом, и я буквально кожей чувствовал, как от него исходят волны облегчения, смешанные с липким, вонючим потом. Еще бы. Еще три часа назад он мысленно примерял тюремную робу за хищение четырех миллиардов из бюджета. Но прокуратура совершила одну-единственную, крошечную ошибку: они санкционировали обыск в его загородном доме на восемь часов раньше, чем ордер был официально зарегистрирован в системе.

Одна деталь. Один неверный таймштамп. И все их «неопрровержимые» улики превратились в юридический мусор. Я просто взял этот мусор и швырнул его в лицо обвинению.

— Денис Александрович! Господи, вы волшебник! — Резник попытался схватить меня за руку, его пухлые пальцы дрожали от верноподданнического восторга. — Я перед вами в таком долгу... Давайте отметим? У меня есть закрытый клуб, лучшие девочки, виски тридцатилетний...

Я поднял руку, останавливая этот поток телячьего восторга. Мой взгляд, холодный и прямой, заставил его осесть на полуслове.

— Борис Альбертович, — мой голос прозвучал тихо, но в нем отчетливо послышался сухой хруст надламывающегося льда. — Мой гонорар составляет полмиллиона долларов. Выплатите его до конца недели, и мы будем в расчете. А праздновать... празднуйте со своими «девочками». Моя работа — вытащить вашу шею из петли, а не пить с вами на брудершафт.

Он сглотнул, его двойной подбородок смешно дернулся. — Да-да, конечно. Завтра же всё переведем.

Я не испытывал к нему ни капли сочувствия или уважения. Резник был вором. Мелким, жадным слизняком, который дорвался кормушки. Был ли он виновен? Безусловно. Знал ли я об этом? Естественно. Волновало ли это меня? Ни секунды.

Правосудие — это не про справедливость. Справедливость — это сказка для тех, кто не может позволить себе хорошего адвоката. Правосудие — это интеллектуальная игра. Математика, где вместо цифр используются законы. И в этой игре я всегда ставлю мат.

Выйдя из здания суда, я сразу попал под прицелы десятков телекамер. Вспышки слепили глаза, журналисты пихали друг другу локти, пытаясь просунуть микрофоны поближе к моему лицу. Дождь барабанил по их зонтам, создавая безумный, хаотичный ритм.

— Господин Кросс, как вы прокомментируете решение суда? — Денис, это правда, что ключевые улики были исключены по вашей инициативе? — Общественность возмущена этим приговором! Что вы скажете налогоплательщикам?

Я остановился на верхней ступени лестницы. Натянул на лицо свою фирменную, слегка циничную улыбку — ту самую, которую пресса называла «ухмылкой Люцифера».

— Скажу, что налогоплательщикам стоит нанимать более компетентных прокуроров, — спокойно произнес я, глядя прямо в объектив центрального телеканала. — Закон суров, но

это закон. Если государство не умеет соблюдать собственные правила, не нужно винить в этом защиту. Всего доброго.

Я сбежал по ступеням к ждавшему меня черному Porsche Panamera. Мой водитель, Марк, преградил путь самым настырным репортерам, захлопнул за мной дверь и плавно тронул машину с места, унося меня прочь от этого цирка.

В моем офисе на тридцать четвертом этаже башни-небоскреба царил стерильная, почти осязаемая тишина. Минимализм в интерьере: стекло, темный мрамор, матовый металл. Никаких семейных фотографий, никаких сентиментальных безделушек. Только панорамные окна, за которыми расстился тонущий в неоновых огнях и октябрьском дожде город.

Я налил себе порцию сухого японского виски, бросил в бокал один идеальный кубик льда и сел в кожаное кресло. Снял галстук, расстегнул верхние пуговицы рубашки. Адреналин после процесса медленно отступал, оставляя после себя привычную, глухую пустоту в груди.

Каждый раз одно и то же. Победа приносит кайф ровно на пятнадцать минут. Потом маска слетает, и ты остаешься наедине со своими демонами.

На краю стола лежала новая папка из плотной крафтовой бумаги. Без маркировки. Без имен. Только тонкая красная лента, стягивающая края. Я сделал глоток виски, чувствуя, как торфяной, обжигающий вкус разливается по языку, и потянул за ленту.

Внутри были материалы по делу Артура Шелла. Того самого пиромана, который кошмарил город последние месяцы.

— Ну и зачем ты мне сдался, поджигатель? — пробормотал я, перелистывая страницы.

Обычно я не брал подобные дела. Мелкая уголовщина, психические расстройства — это скучно. Здесь нет больших денег, нет политического веса. Но этот заказ пришел сверху. Очень сильно сверху. Один из моих постоянных клиентов, чье имя не произносят вслух даже в этих стенах, настоятельно «попросил» меня заняться Шеллом. Оказалось, пара домов, которые сгорели «из-за безответной любви» этого придурка, принадлежали фирмам-прокладкам одного очень известного теневого картеля. Шелл был идеальным козлом отпущения. Его нужно было не просто защитить — его нужно было признать невменяемым и спрятать в закрытую психиатрическую клинику. Надежно. Надолго. Чтобы он не успел сболтнуть лишнего следователям.

Задача ясная. Циничная. Как раз в моем вкусе.

Я лениво листал протоколы допросов, пока мой взгляд не зацепился за документ с синей печатью: *«Судебно-психиатрическая экспертиза. Эксперт: Ланская Е. А.»*

Я открыл вкладку с личным делом эксперта.

— Так-так-так... Что тут у нас? — я откинулся на спинку кресла, крутя бокал в руке. Лёд с тихим стуком ударялся о хрустальные стенки.

Елена Андреевна Ланская. Тридцать лет. Профессор криминальной психологии. Заведующая кафедрой. Автор монографии «Анатомия одержимости: девиации и контроль». Внушительный список научных трудов.

Рядом была прикреплена ее фотография для личного дела. Я прищурился, рассматривая снимок.

Обычно женщины из академической среды выглядят... предсказуемо. Либо уставшие от жизни синие чулки, либо нарочито мужеподобные карьеристки. Но профессор Ланская была другой.

Фотография была строго черно-белой. Никакого макияжа, лицо анфас. Темные волосы стянуты в тугий, безупречный пучок на затылке, открывая длинную, изящную шею. Строгие очки в тонкой оправе. Но её лицо... В нем была какая-то порочная, скрытая геометрия. Острые скулы, четко очерченные, пухлые губы, которые она, судя по всему, имела привычку поджимать, и глаза. Огромные, темные, смотрящие с фотографии с такой убийственной, ледяной пронизательностью, что мне на секунду захотелось поправить воротник рубашки.

Она выглядела как святая, которая точно знает, как устроен ад.

Я открыл на втором мониторе базу данных, которую для меня собирала моя служба безопасности. О Ланской почти ничего не было в сети. Никаких инстаграмов, никаких фейсбуков. Ни одной личной фотографии из отпуска или ресторана. Живет одна. Квартира в тихом районе, но... три замка высшего класса безопасности на двери. Окна со специальным армированием.

Я провел пальцем по экрану, очерчивая контур её лица на фото. — Профессор в юбке, значит... Изучаешь одержимость на бумаге?

В её заключении по Шеллу не было ни одной зацепки для защиты. Текст был написан с хирургической точностью. Никакой воды, только факты, тесты, жесткая логика. Она буквально заколотила гроб моего подзащитного, лишая меня возможности сыграть на его «безумии». Она утверждала, что он полностью отдавал себе отчет в своих действиях.

Я почувствовал, как внутри меня, где-то глубоко под ребрами, начинает ворочаться опасное, хищное возбуждение. Это был вызов. Настоящий.

Большинство экспертов в суде ломаются легко. Достаточно задать пару двусмысленных вопросов, намекнуть на их некомпетентность, заставить занервничать — и они начинают путаться в терминах. Но Ланская не выглядела той, кто путается. Она выглядела как монолит.

— Ты думаешь, что контролируешь этот процесс, Елена? — тихо спросил я у пустой комнаты. — Думаешь, твои книжки защитят тебя от того, что я сделаю с твоей экспертизой в зале суда?

Я допил виски одним глотком. Обжигающая жидкость упала в желудок.

Она выстроила вокруг себя идеальную, стерильную крепость из теорий и графиков. Но я всегда любил разрушать крепости. Мне нравилось смотреть, как уверенность в глазах таких правильных людей сменяется паникой. Мне нравилось ломать их логику, заставляя обнажать свои истинные, грязные, человеческие эмоции.

Завтра в суде мы столкнемся лицом к лицу. Я устрою ей такой перекрестный допрос, который она запомнит на всю жизнь. Я заставлю эту ледяную королеву сойти с пьедестала.

Я закрыл папку, и звук удара плотной бумаги о стол прозвучал как выстрел стартового пистолета. Игра началась.

Глава 3

Елена

Зал заседаний номер четыре пах сухой бумагой, дешевой политурой и застарелым страхом. Это был концентрированный запах человеческих ошибок. Здесь, под серыми сводами городского суда, дождь за окном казался не природным явлением, а частью приговора — бесконечный, монотонный, смывающий остатки надежды.

Я поправила воротник своей блузки из тяжелого цвета слоновой кости шелка. Поверх нее на мне был строгий темно-синий жакет, застегнутый на все пуговицы. Моя броня. Мой идеальный контур.

Я сидела на скамье для экспертов, выпрямив спину так, словно проглотила стальную линейку, и намеренно не смотрела влево. Туда, где за столом защиты сидел он.

Но мне не нужно было смотреть, чтобы чувствовать его присутствие. Некоторые люди обладают такой избыточной, хищной энергетикой, что она физически вытесняет воздух из помещения. Каждые несколько секунд я слышала тихий, едва уловимый щелчок его дорогой перьевой ручки. *Клик. Клик. Клик.* Ленивый, размеренный ритм, бьющий по моим натянутым нервам.

— В зал суда вызывается эксперт обвинения, профессор Ланская Елена Андреевна, — провозгласил секретарь.

Я поднялась. Мои туфли на шпильках издали сухой, четкий звук на паркете. Один шаг. Второй. Я прошла мимо стола защиты. На секунду я заставила себя скользнуть взглядом по Денису Кроссу.

Он не писал. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, переплетя длинные пальцы на уровне груди. Его безупречный черный костюм казался поглотителем света. Когда наши глаза встретились, он не улыбнулся. Он просто чуть приподнял одну бровь, и в его прозрачных, почти стеклянных глазах мелькнуло что-то вроде... гастрономического интереса. Как будто перед ним поставили редкое, изысканное блюдо, которое он собирался препарировать серебряным ножом.

Я поднялась на трибуну, положила перед собой папку и положила ладонь на деревянный барьер. Холод дерева мгновенно отрезвил меня.

— Профессор Ланская, — прокурор, грузный мужчина с вечной одышкой, поднялся со своего места. — Пожалуйста, изложите суду суть вашего психологического заключения в отношении подсудимого Артура Шелла.

Я глубоко вдохнула. Воздух был тяжелым, но мой голос прозвучал ровно, как метроном.

— В ходе трех многочасовых сессий и анализа анамнеза подсудимого нами не было выявлено признаков временного помешательства или невменяемости в момент совершения преступлений. Артур Шелл страдает обсессивно-компульсивным расстройством, которое трансформировалось в пироманию. Однако его действия носили сугубо спланированный, системный характер. Огонь для него — это инструмент компенсации личной несостоятельности. Он выбирал объекты, рассчитывал время, пути отхода. Это не слепой импульс. Это расчет. Он полностью отдавал себе отчет в том, что делает.

В зале стояла тишина. Мой обвинительный вердикт звучал весомо. Шелл на скамье подсудимых сжался, его глаза бегали.

— Спасибо, профессор, — прокурор победоносно взглянул на судью. — У меня все.

Судья Бородин перевел взгляд на левую сторону зала. — Слово предоставляется защите. Господин Кросс, ваш перекрестный допрос.

Я перевела дыхание и крепче сжала края трибуны. Начинается.

Денис

Она была идеальна. До тошноты, до зуда под кожей идеальна.

Когда Елена Ланская шла к трибуне, я изучал её движения с чисто профессиональным, а может, и не совсем профессиональным любопытством. Шелковая блузка мягко обрисовывала контур её плеч, но под этой мягкостью чувствовался стальной стержень. Волосы были уложены волосок к волоску. Никаких украшений, кроме простых часов на тонком запястье. Она выглядела как само воплощение беспристрастной науки. Храм разума на каблуках.

Но когда она заговорила, я заметил кое-что еще. Маленькую, едва заметную деталь, которую пропустил бы любой другой человек в этом зале. Каждый раз, когда она произносила слово «одержимость» или «контроль», её левая рука чуть сильнее сжимала край трибуны, так, что костяшки пальцев белели.

Она боится этого дела, — подумал я, и губы сами собой растянулись в едва заметной ухмылке. — *Или она боится меня.*

Я медленно поднялся. Застегнул пиджак. Поправил манжеты со стальными запонками. Я не торопился, позволяя тишине в зале зазвенеть, сгуститься вокруг неё. Это мой любимый психологический трюк: заставить свидетеля ждать твоего первого шага.

Я подошел к трибуне, остановившись чуть ближе, чем требовал судебный этикет. Достаточно близко, чтобы уловить её запах. Никаких сладких цветочных духов. От неё пахло чем-то свежим, острым — как бумага нового романа, смешанная с едва уловимым ароматом цитрусовых. Чистота и дистанция.

— Профессор Ланская, — начал я, и мой голос, низкий и бархатистый, заполнил зал, отражаясь от стен. — Ваша речь была прекрасна. Поэтична, я бы сказал. «Инструмент компенсации личной несостоятельности»... Bravo. Чувствуется слог человека, который проводит очень много времени наедине с книгами.

Елена чуть прищурилась за стеклами своих очков. Её губы сжались в тонкую линию. — Я провожу время наедине с фактами, господин Кросс.

— Фактами? — я усмехнулся, сделав шаг в сторону и заложив руки за спину. — Давайте поговорим о ваших фактах. В своем заключении вы утверждаете, что мой подзащитный действовал «рационально». Вы детально описываете его мотивы через призму вашей... весьма популярной монографии, верно? Как она называется? «Анатомия одержимости»?

— Именно так.

— Скажите, профессор, — я резко повернулся к ней, сокращая расстояние. — А сколько реальных пожаров вы потушили? Сколько раз вы лично стояли перед человеком, у которого в руках была горящая канистра с бензином, и смотрели в его глаза? Не через зеркало Гезелла в стерильной комнате допросов, не на страницах учебников, а там, в сырой, грязной реальности?

— Моя квалификация не требует от меня работы пожарного, господин Кросс, — ответила она, и в её голосе впервые звякнула сталь. Быстрый, точный удар. — Моя задача — анализировать психику преступника после факта преступления. И для этого мне не нужно пахнуть гарью.

В зале послышался тихий смешок. Я зафиксировал это. Профессор умеет держать удар. Отлично. Тем интереснее будет её ломать.

— Разумеется, — я наклонил голову, признавая её балл. — Пахнуть гарью — это удел нас, практиков. Но видите ли, в чем проблема... Ваша теория разбивается о банальную клиническую картину. Вы утверждаете, что Шелл полностью контролировал себя. Но при этом на странице сорок два вашего отчета вы упоминаете, что во время третьего поджога он оставил на месте преступления свои собственные часы. С гравировкой. С его именем.

Я подошел почти вплотную к трибуне, заглядывая ей прямо в глаза. — Ответьте мне, уважаемый профессор: это и есть та самая «жесткая рациональность» и «абсолютный контроль», о которых вы так красиво распинались перед судом? Или это поступок человека, чья рациональная часть разума была полностью затоплена психотическим аффектом?

Елена

Он атаковал агрессивно, грязно, пытаясь выставить меня кабинетным теоретиком, оторванным от жизни. Типичный Денис Кросс. В его глазах горел холодный, расчетливый азарт. Он стоял так близко, что я могла разглядеть серебряные искры в его серых радужках. От него пахло дорогим табаком, сандалом и дождем. Этот запах почему-то казался удушающим.

Мое сердце забилося быстрее, но не от страха — от ярости. Он думал, что поймал меня на противоречии.

— Вы вырываете факты из контекста, господин Кросс, — мой голос оставался ледяным, хотя внутри всё клокотало. — И делаете это намеренно, чтобы ввести суд в заблуждение. Оставленные часы — это не признак аффекта. Это паттерн «подписи» преступника. В криминальной психологии это называется «символическим присвоением территории». Шелл оставил часы не потому, что у него дрожали руки от безумия, а потому, что он хотел, чтобы жертва знала, кто именно разрушил ее жизнь. Это высшая форма эгоцентризма и контроля, а не его отсутствие.

— Символическое присвоение? — Кросс хмыкнул, его глаза опасно блеснули. Он оперся руками о край моей трибуны, вторгаясь в мое личное пространство так нагло, что я физически ощутила исходящее от него тепло. — Как удобно. Любую глупость, любую ошибку безумца можно упаковать в красивый латинский термин и выдать за гениальный план, верно? Вы, психологи, всегда находите объяснение постфактум. Вы строите лабиринты из слов там, где есть обычное, банальное человеческое несчастье и болезнь.

— Лабиринты строю не я, адвокат Кросс, — я подалась вперед, наше расстояние сократилось до каких-то тридцати сантиметров. Зал суда вокруг нас словно перестал существовать. Звуки дождя за окном затихали, растворяясь в электрическом напряжении, возникшем между нами. — Лабиринты строите вы. Чтобы вывести своего клиента из-под законного наказания. Вы не ищете истину. Вы ищете лазейку в законе. Вы защищаете монстра не потому, что верите в его болезнь, а потому, что вам нравится доказывать системе, что вы умнее ее. Это ваша собственная одержимость.

Зал суда замер. Я услышала, как прокурор шумно вздохнул. Судья Бородин занес молоток, но не опустил его, замороженный нашей дуэлью.

Кросс не отстранился. Напротив, его взгляд потемнел, стал глубже, тяжелее. Его дыхание коснулось моих губ — мимолетное, горячее, пахнущее мятным леденцом и виски. Между нами летели настоящие, осязаемые искры. Это был уже не допрос. Это была ментальная эротика, обнажение амбиций и интеллекта.

— Моя одержимость, профессор? — тихо, почти интимно переспросил он, так, что его голос услышала только я. — Какое глубокое наблюдение. Может, внесете его в следующее издание вашей книги?

— Если вы станете моим пациентом, Кросс, я обязательно посвящу вам отдельную главу. В разделе «Нарциссическое расстройство личности с элементами социопатии».

Его ухмылка стала шире. В ней не было злости — только чистый, незамутненный восторг хищника, встретившего достойного противника.

Денис

Черт возьми. Она укусила меня. Остро, больно и чертовски профессионально.

Мой пульс, обычно ровный и ленивый во время заседаний, подскочил до сотни. Я смотрел на её пухлые губы, которые сейчас изрыгали эти ледяные, ядовитые определения, и ловил себя на абсолютно неуместной, дикой мысли: *интересно, как звучит этот голос, когда она теряет контроль не в споре, а в постели?* Будет ли она так же высокомерно читать мне лекции или начнет умолять?

Этот контраст её строгой, закрытой одежды и той яростной, горячей энергии, которую она сейчас выплескивала на меня, действовал как чистый дофамин. Под этой шелковой блузкой билось живое, дикое сердце. Её маска профессора трещала по швам, и виной этому был я.

— Господин Кросс, профессор Ланская, — голос судьи Бородина наконец прорезал тишину, возвращая нас в реальность зала суда. Молоток все-таки опустился, издав сухой стук. — Я напоминаю вам, что мы находимся на судебном процессе, а не на академическом симпозиуме и не на приеме у психотерапевта. Соблюдайте регламент.

Я медленно, дюйм за дюймом, отстранился от трибуны. Поправил пиджак. Мое тело все еще покалывало от адреналина.

— Прошу прощения, Ваша Честь, — я повернулся к судье, вернув на лицо маску идеального адвоката, хотя мои глаза все еще горели. — Увлёкся блестящей аргументацией профессора Ланской. У меня больше нет вопросов к данному эксперту. Защита просит приобщить к делу альтернативное заключение независимого психиатра доктора Вагнера, которое ставит под сомнение выводы профессора.

Я снова посмотрел на Елену. Она все еще держалась за трибуну, её грудь высоко вздымалась под шелковой тканью. В её темных глазах, спрятанных за стеклами очков, полыхала чистая, неразбавленная ненависть. Она поняла, что этот раунд не выиграл никто, но война только началась.

— Суд принимает документы защиты, — объявил Бородин. — В заседании объявляется перерыв до десяти часов завтрашнего дня.

Зал зашумел. Люди начали подниматься. Я вернулся к своему столу, небрежно бросил ручку в портфель и захлопнул замок.

Я выиграл время. Я заставил судей сомневаться. Но самое главное — я нашел то, что искал. Елена Ланская больше не была для меня просто строчкой в судебных документах или черно-белой фотографией. Она стала моей новой фиксацией.

Я вышел из зала суда, чувствуя, как дождь снаружи больше не кажется холодным. Мне было чертовски жарко.

Глава 4

Елена

Адреналин — самый паршивый наркотик. Он обещает тебе всемогущество, а когда действие заканчивается, оставляет наедине с дрожащими пальцами и острой нехваткой кислорода.

Я стояла у раковины в дамской комнате суда, подставив запястья под струю ледяной воды. В зеркале отражалась женщина, которую я едва узнавала. Щёки горели лихорадочным румянцем, глаза за стеклами очков блестели слишком ярко, а верхняя пуговица жакета была расстегнута — я сделала это подсознательно, как только вышла из зала, потому что мне казалось, что воротник душит меня.

Он душил меня. Точнее, то удушливое, плотное облако напряжения, которое Денис Кросс создал вокруг моей трибуны.

— Спокойно, Лена, — прошептала я, вытирая руки бумажным полотенцем. — Это просто судебный процесс. Обычный манипулятор. Ты видела сотни таких.

Но ложь не прижилась. Я не видела таких. Мужчины, с которыми я имела дело в силу профессии, обычно делились на две категории: либо надломленные, трусливые психопаты, чья сила заканчивалась там, где начинался закон, либо скучные, выгоревшие юристы, для которых заседания стали рутинной. Кросс не подходил ни под одно описание. Он был хищником в чистом виде, получающим от охоты почти физическое, извращенное удовольствие. И хуже всего было то, что его интеллект ничуть не уступал его наглости.

Выйдя из здания суда, я сразу попала под стену холодного, безжалостного дождя. Зонт едва спасал от порывов ветра. Мне отчаянно, до боли в висках, требовалась доза сильного, горького кофе, чтобы смыть с языка привкус этого зала, и я быстрыми шагами направилась к «Кафке» — крошечной кофейне за углом судебного квартала. Это было серое, полуподвальное место с низкими потолками, тяжелой дубовой мебелью и приглушенным желтым светом. Сюда редко заходили случайные прохожие, в основном — выжатые как лимон адвокаты и следователи.

Дверной колокольчик звякнул, впуская меня внутрь вместе с порцией холодного воздуха. Внутри пахло пережаренными кофейными зёрнами, корицей и старыми книгами. Зал был почти пуст.

Я подошла к стойке, чувствуя, как тепло помещения обволакивает мои промокшие плечи. — Двойной эспрессо. Без сахара и молока. Пожалуйста, — мой голос все еще звучал слишком резко.

— И черничный чизкейк для леди, — раздался за моей спиной низкий, бархатистый голос, от которого волоски на моей шее мгновенно встали дыбом. — Ей нужно восполнить уровень глюкозы после того, как она пыталась казнить человека одним взглядом.

Я медленно, сохраняя остатки самообладания, повернулась.

Денис Кросс стоял в полуметре от меня. Его длинное черное пальто было расстегнуто, под ним угадывался все тот же безупречный костюм. Темные волосы были слегка влажными от дождя, пара прядей небрежно упала на лоб, что делало его лицо менее плакатным и... пугающе живым. В полумраке кофейни его серые глаза казались почти прозрачными, как дождевая вода.

— Вы преследуете меня, адвокат Кросс? — спросила я, скрестив руки на груди и выстроив между нами привычную ментальную стену. — В криминологии это плохой знак. Обычно сталкеры начинают с кофе, а заканчивают сувенирами из волос жертвы.

Кросс тихо рассмеялся. Звук его смеха был мягким, глубоким, он словно вибрировал в воздухе между нами. Он сделал шаг ближе, полностью игнорируя правила личного пространства. Я почувствовала, как от него исходит сильный, осязаемый жар, контрастирующий с сыро-

стью за окном. Пахло кедром, хорошим табаком и чем-то исключительно мужским, чистым и опасным.

— Мечтайте, профессор Ланская, — его губы тронула та самая циничная ухмылка, которую я видела на видео. — Я просто зашел за своей ежедневной дозой кофеина. Но встретить вас здесь... Назовем это приятным процессуальным бонусом. Вы позволите?

Он указал на свободный столик в самом углу, скрытый в тени массивной колонны.

— Мы все сказали друг другу в зале суда, господин Кросс. У нас нет общих тем. — О, бросьте, Елена. В зале суда мы разговаривали со стенографисткой и судьей Бородиным, у которого, кажется, начался микроинсульт от вашей тирады. А сейчас я хочу поговорить с вами. Без протокола.

Бариста поставил на стойку мой эспрессо и тарелку с чизкейком. Кросс молча протянул купюру, опережая мое движение к сумке.

— Я сама в состоянии оплатить свой кофе, — отрезала я. — Я знаю, — он взял стакан с эспрессо и чизкейк и направился к столику, даже не обернувшись. — Но я плачу за ваше время. Пять минут, профессор. Или вы боитесь, что без мантии эксперта ваша защита даст сбой?

Это был дешевый, предсказуемый триггер на слабость. И я, черт возьми, на него купилась. Потому что признать, что я боюсь сидеть с ним за одним столом, означало признать его победу.

Я прошла к столику и села напротив него на жесткий кожаный диван. Поставила сумку рядом. Кросс уже устроился напротив, вальяжно откинувшись на спинку и вытянув свои длинные ноги под столом так, что его туфля едва не коснулась моего сапога. Я немедленно подогнула ноги под сиденье.

— Итак, — я сделала глоток эспрессо. Горячая, густая горечь обожгла язык, возвращая ясность мыслям. — Пять минут пошли. О чем хочет поговорить защита? О том, как технично вы собираетесь подтасовывать факты с помощью вашего доктора Вагнера?

— Вагнер — идиот, — легко и обыденно произнес Кросс, крутя в пальцах свой стакан. — Его заключения скучны, как инструкция к микроволновке. Но суд любит бумажки с печатями, вы же знаете. А вот ваше заключение... Это было красиво. Вы ведь действительно верите в то, что написали, верно? Каждому слову.

— Я пишу только то, что могу доказать, Кросс. — И в этом ваша главная слабость, Лена, — он впервые назвал меня по имени, без официального «профессор» или «Елена Андреевна», и это прозвучало так интимно, словно он коснулся моей голой кожи. — Вы верите, что мир можно подчинить логике. Что если вы разложите мотивы поджигателя по полочкам, то хаос исчезнет. Вы сидели на этой трибуне, такая правильная, застегнутая на все пуговицы... — его взгляд медленно, намеренно опустился к моей расстегнутой верхней пуговице блузки, задержался там на долю секунды и вернулся к моим глазам. — ...но ваши глаза говорили совсем другое. Вы горели, Ланская. Вы злились так, будто Шелл поджег ваш собственный дом.

Я почувствовала, как к горлу подступает липкая, холодная волна. Мои пальцы сильнее сжали чашку. Он бил вслепую, но попал пугающе близко к цели.

— Вы пытаетесь флиртовать со мной, Денис? — я намеренно переняла его манеру обращаться по имени, вкладывая в голос максимальную дозу профессионального холода. — Используете банальный перенос и сексуальное напряжение как форму психологического давления? Это пройденный этап. В моей практике это называется «реактивным формированием». Когда мужчина не может контролировать ситуацию интеллектуально, он пытается перевести её в плоскость примитивных инстинктов, чтобы вернуть себе ощущение доминантности.

Кросс замер. Его ленивая, расслабленная поза не изменилась, но я заметила, как на его челюсти на секунду перекатились желваки. Его светлые глаза потемнели, превращаясь в грозовое небо.

— Примитивных инстинктов? — он подался вперед, опираясь локтями о стол. Расстояние между нами снова сократилось, и воздух в кофейне словно стал гуще. — Какое сухое, мертвое определение для того, что на самом деле произошло между нами в зале. Вы ведь почувствовали это, профессор? Ту искру, когда мы стояли лицом к лицу. Это была не логика. И не криминология. Это было чистое, неразбавленное влечение двух умных людей, которые поняли, что нашли достойного соперника. Вы можете сколько угодно прятаться за своими очками и терминами, но я видел, как бешено билась жилка на вашей шее, когда я подошел близко.

Его голос стал тише, превратившись в глубокий, бархатный шепот, который проникал прямо под ребра, вызывая странную, пугающую дрожь внизу живота. Это был чистый, запретный магнетизм. Маркетолог внутри меня кричал бы, что этот мужчина продает опасность в самой привлекательной упаковке. Критик во мне признавал его абсолютную харизму.

Но я была психологом. И я видела шрамы за этой харизмой.

— Красивая речь, — спокойно сказала я, глядя ему прямо в глаза и не отстраняясь ни на миллиметр. — Классический нарциссический захват. Вы создаете иллюзию уникальной связи, чтобы обезоружить объект. Но давайте снимем маски, Денис. Ваш цинизм, ваши костюмы от кутюр, ваша привычка защищать подонков и ломать порядочных людей в суде — это ведь не от большого ума. Это отчаянная, непрекращающаяся попытка доказать кому-то, кого уже нет рядом, что вы сильнее системы.

Я сделала паузу, наблюдая, как его зрачки сузились. — Вы ведь кого-то потеряли, верно? Кого-то, кого система не смогла защитить. И теперь вы играете роль «адвоката дьявола», чтобы сжечь этот суд дотла изнутри. Ваш подзащитный Шелл поджигает дома физически, а вы поджигаете правосудие. Вы с ним близнецы-братья, Денис. Просто у вас костюм дороже.

В углу кофейни повисла мертвая, звенящая тишина. Даже шум дождя за окном словно отступил. Улыбка полностью исчезла с лица Кросса. Его черты лица словно окаменели, превратившись в суровую, холодную маску. Его взгляд стал настолько острым, что казалось, он может физически порезать.

Я попала. Попала точно в его скелет в шкафу.

Прошло секунд десять, которые показались вечностью. Затем Кросс медленно откинулся назад. На его лицо вернулась ухмылка, но теперь она была пустой, ледяной, без единого проблеска тепла.

— Пять минут истекли, профессор Ланская, — тихо произнес он. — Ваш эспрессо остыл. А чизкейк вы так и не попробовали. Жаль. Он здесь действительно хорош.

Он поднялся, застегнул пальто одним точным, резким движением. Глядя на меня сверху вниз, он добавил: — Вы очень умны, Лена. Настолько умны, что это становится опасным для вас самой. До встречи завтра в суде. Посмотрим, поможет ли вам ваш психоанализ, когда я начну рвать ваше заключение на части.

Он повернулся и быстрыми, хищными шагами вышел из кофейни. Дверной колокольчик прощально звякнул.

Я осталась сидеть, чувствуя, как меня начинает бить крупная, запоздалая дрожь. Мои ладони были влажными. Я полностью разложила его по полочкам, я выиграла этот раунд ментальной дуэли, но почему-то не чувствовала себя победительницей. Внутри меня, в той самой запертой черной дыре, которую я так тщательно охраняла, что-то болезненно зашевелилось. Этот мужчина был опасен не потому, что он был плохим адвокатом. Он был опасен потому, что он видел меня насквозь так же, как я его.

Я присидела в кофейне еще около получаса, пытаясь прийти в себя и дожидаться, пока утихнет ливень. Когда я наконец вышла на улицу, город уже полностью погрузился в вечерние сумерки. Неоновые вывески расплывались в сыром воздухе, отражаясь в лужах кроваво-красными и грязно-желтыми пятнами.

Служебная парковка суда находилась в глубине двора, окруженная глухими серыми стенами старых зданий. Здесь было темно, единственный фонарь в углу уныло мигал, испуская неверный, умирающий свет. Текстура мокрого асфальта под ногами казалась скользкой и ненадежной.

Моя старенькая серебристая *Volvo* стояла в самом конце ряда, под раскидистым, почти облысевшим кленом. Я шла к ней, на ходу выживая ключи из кармана пальто. Вокруг не было ни души, только звук моих собственных шагов и тяжелый, монотонный стук капель по крышам машин.

Я подошла к водительской двери и замерла. Моя рука с ключом повисла в воздухе.

На лобовом стекле, прямо под левым дворником, белел прямоугольник. Плотный, абсолютно сухой конверт, упакованный в прозрачный полиэтиленовый пакет, чтобы дождь не испортил содержимое. Кто-то оставил его здесь совсем недавно.

Мое дыхание перехватило. Внутренний голос, тот самый, который отвечал за инстинкт самосохранения, закричал: «*Не трогай! Уходи!*» Но академическое любопытство и привычка контролировать страх оказались сильнее.

Оглянувшись по сторонам и никого не обнаружив в темноте двора, я протянула руку и сорвала пакет с лобового стекла. Полиэтилен хрустнул в тишине слишком громко.

Я села в салон машины, заперла двери на все три замка — центральный замок щелкнул с глухим, обнадеживающим звуком — и включила плафон верхнего освещения. Салон залил бледный, желтоватый свет.

Мои руки слегка дрожали, когда я разрывала плотную бумагу конверта. Из него не выпало ни письма, ни записки.

Там была фотография. Моя фотография.

Это был снимок с официального сайта университета — тот самый, где я была в очках, со строгим лицом. Но кто-то распечатал его на глянцевой бумаге и... яростно, с остервенением перечеркнул мое лицо жирным, кроваво-красным маркером. Линии были такими глубокими, что бумага в некоторых местах порвалась от нажима.

Но это было не всё. Когда я перевернула конверт, из его глубины на мои колени, на мои ладони и на шелковую блузку из цвета слоновой кости высыпалось что-то еще.

Серый, холодный, невесомый пепел.

Он пах гарью. Настоящей, едкой, свежей гарью от сгоревшего дерева. Этот запах мгновенно заполнил замкнутое пространство салона машины, вытесняя запах свежего кофе и цитрусовых духов. Пепел лип к моим пальцам, пачкая кожу серыми, грязными разводами.

В этот момент я поняла две вещи. Во-первых, Артур Шелл, сидевший сейчас в следственном изоляторе под замком, не был одиночкой. У него был последователь. Или куратор. Во-вторых, этот кто-то только что объявил на меня охоту.

Я сидела в темноте машины, глядя на свои испачканные пеплом руки, и впервые за семь лет мне стало по-настоящему, до ледяного ужаса в костях, страшно. И самым безумным было то, что первым человеком, о котором я подумала в этот момент, был не следователь полиции.

Это был Денис Кросс.

Глава 5

Денис

Я не люблю, когда ломают мои игрушки. Особенно те, за которые я еще не успел толком взяться.

Второй день процесса против Артура Шелла начался ровно в десять утра, но для меня он начался на тридцать минут раньше, когда я сидел за столом защиты и лениво перебирал листы с заключением доктора Вагнера. Вагнер, как я и думал, написал редкостную, псевдонаучную чушь про «латентную шизофрению» и «неконтролируемые вспышки подсознательного гнева». Любой первокурсник профильного вуза разнес бы эту писанину за две минуты. Профессор Ланская вчера сделала бы это за одну реплику.

Я ждал её. Мой пульс со вчерашнего вечера держался на отметке чуть выше нормы, и виной тому был тот чертов разговор в кофейне. Она залезла мне под кожу. Своими тонкими, почти прозрачными пальцами, своей ледяной логикой и этим убийственным психоанализом она нащупала то, что я годами хоронил под слоями дорогого сукна, цинизма и судебных побед. Она назвала меня близнецом поджигателя. Она сказала, что я хочу сжечь правосудие изнутри.

Дерзкая, умная сука. Я хотел увидеть её лицо, когда войду в зал. Хотел увидеть эту мимолетную вспышку раздражения или страха в её темных глазах, когда она поймет, что я готов ко второму раунду.

Но когда Елена Ланская вошла в зал заседаний номер четыре, вся моя заготовленная ирония испарилась, оставив после себя странный, горький привкус разочарования. И злости.

Она была мертвенно-бледной. Безупречный темно-серый шерстяной костюм сидел на ней как-то иначе — словно она усохла в нем за одну ночь. Никакого шелка цвета слоновой кости. Она застегнула пиджак на все пуговицы, подняв воротник так высоко, словно пыталась спрятать шею от удара. Её волосы были стянуты в привычный пучок, но несколько прядей выбились, и она не потрудилась их убрать.

Но хуже всего были её глаза. За стеклами строгих очков больше не было того холодного, пронизательного пламени, которое едва не выжгло меня вчера у трибуны. В них застыло нечто иное. Гипербдительность. Дикий, загнанный блеск животного, которое знает, что на него объявлена охота, но не понимает, откуда прилетит пуля.

Когда секретарь объявил продолжение слушания, Елена вздрогнула от стука судейского молотка. Едва заметно, на пару миллиметров, но я заметил. Мой внутренний хищник, отточенный годами выслеживания лжи в судах, среагировал мгновенно.

Что-то произошло. И это произошло не здесь.

— Слово предоставляется защите для продолжения допроса эксперта, — монотонно произнес судья Бородин.

Я медленно поднялся со своего места. Мои пальцы коснулись гладкой поверхности стола. Обычно в этот момент я чувствовал прилив чистого, незамутненного азарта. Мне нравилось доминировать в этом зале. Нравилось чувствовать, как свидетели сжимаются под моим взглядом.

Я подошел к трибуне. Елена стояла там, вцепившись в деревянный барьер так сильно, что её костяшки пальцев были не просто белыми — они казались полупрозрачными. Она не смотрела на меня. Её взгляд был устремлен куда-то в пространство между мной и прокурором, а голова то и дело едва заметно поворачивалась в сторону входной двери при каждом шорохе в коридоре. Она теряла фокус. Полностью.

— Профессор Ланская, — начал я, сознательно сделав голос мягче, глубже, убирая из него привычные стальные, режущие нотки. — Вчера мы остановились на вопросе рациональности действий моего подзащитного. Доктор Вагнер в своем альтернативном заключении ука-

зывает на то, что Шелл действовал в состоянии суженного сознания. Вы по-прежнему утверждаете, что его действия были системными?

Она заговорила не сразу. Ей потребовалось секунды три, чтобы просто обработать мой вопрос.

— Да, — её голос прозвучал тише, чем вчера. В нем не было прежней металлической уверенности. — Системность... доказывается выбором локаций. Он... он изучал распорядок дня жертв. Это требует... времени и концентрации.

Она запнулась. Профессор криминальной психологии, которая вчера сыпала терминами как из пулемета, запнулась на элементарной фразе. Шелл на скамье подсудимых довольно ухмыльнулся, а прокурор обеспокоенно заерзал на стуле.

Я сделал шаг ближе к трибуне. Наше расстояние сократилось, и я смог разглядеть то, что скрывали очки: мелкую, едва заметную дрожь её нижнего века и то тощее, судорожное движение, с которым она сглотнула слюну. От неё больше не пахло цитрусовой свежестью. На этот раз её запах был другим — тонкий, едва уловимый, но безошибочно узнаваемый запах адреналинового пота и... гари? Нет, мне, скорее всего, показалось. Но этот запах страха я не мог перепутать ни с чем.

Кто-то взломал её крепость. Кто-то заставил эту ледяную королеву дрожать. И этот «кто-то» был не я.

Внутри меня поднялась глухая, первобытная ярость. Это было иррациональное, почти животное чувство собственности. Елена Ланская была *моим* оппонентом. *Моей* ментальной эротикой. Я собирался вскрывать её тайны медленно, слой за слоем, наслаждаясь каждым сантиметром её сопротивления. Я не давал никому права переезжать её катком чужого, примитивного насилия.

— Господин Кросс? — судья Бородин вопросительно посмотрел на меня. — Вы будете задавать вопросы по существу возражений доктора Вагнера?

Я посмотрел на Елену. Она наконец подняла на меня глаза. В этом взгляде не было вызова. Там была немая, отчаянная просьба: «*Пожалуйста, не надо. Только не сегодня*». Она была слишком уязвима. Если бы я сейчас нажал, если бы применил хотя бы треть своего обычного давления, её экспертиза рассыпалась бы в прах, и я бы досрочно выиграл это дело для своего теневого заказчика.

Но победа над сломленным противником не приносит кайфа. Это не математика. Это мародерство.

Я медленно закрыл папку Вагнера. Замок портфеля щелкнул в тишине зала особенно громко.

— У защиты нет больше вопросов к профессору Ланской, Ваша Честь, — спокойно произнес я, глядя прямо в её расширившиеся от удивления зрачки. — Заключение эксперта обвинения достаточно детализировано. Мы переходим к исследованию письменных материалов дела.

Прокурор выдохнул. Судья удивленно приподнял брови, но кивнул. Елена медленно, словно теряя равновесие, сошла с трибуны и вернулась на свое место. Она смотрела на свои руки, сложенные на коленях, и больше ни разу не подняла головы до самого конца заседания.

Суд объявил перерыв в четыре часа дня. Дождь на улице сменился тяжелым, серым туманом, который висел между зданиями, превращая город в декорации к нуарному фильму. Воздух был сырým, холодным и липким.

Я отказался от услуг Марка. Мне нужно было побыть одному, нужно было выветрить из головы этот странный судебный день. Я сам сел за руль своего *Porsche Panamera*, завел V-образную «восьмерку» и позволил мотору глухо зарычать на полупустой парковке. Но я не уехал.

Я сидел в полумраке салона, глядя через лобовое стекло на массивные гранитные колонны судебного выхода.

Она появилась минут через пятнадцать. Елена шла быстро, почти бежала, прижимая свой кожаный портфель к груди, словно это был спасательный круг. Она не раскрыла зонт, несмотря на висящую в воздухе морось. Её серое пальто было расстегнуто, полы развевались при ходьбе. Она выглядела так, будто спасалась бегством из горящего здания.

Я плавно тронул машину с места, держась на расстоянии тридцати метров. Мой *Porsche* двигался бесшумно, как сытый хищник в ночном лесу.

Елена дошла до своей серебристой *Volvo*, которая стояла в дальнем углу парковки под старым кленом. Прежде чем открыть дверь, она сделала странную вещь: она обошла машину кругом, внимательно осматривая колеса и стекла, и несколько раз резко оглянулась назад, в темноту двора. Её движения были дергаными, нервными.

Она села внутрь, и через секунду вспыхнули красные габаритные огни её машины. *Volvo* неуклюже сдала назад и рванула к выезду с парковки.

Я собирался просто проводить её взглядом до главного проспекта, убедиться, что она доберется до дома в безопасности, а потом поехать в офис и выяснить, какого черта происходит вокруг этого дела. Но стоило её машине выехать из ворот судебного двора, как из тени соседнего переулка, без включенных фар, плавно выкатился массивный черный внедорожник.

Cadillac Escalade. Полностью затонированный, включая лобовое стекло. Номера были настолько густо заляпаны свежей грязью, что разобрать цифры было невозможно — классический почерк тех, кто не собирается светиться на дорожных камерах.

Внедорожник пристроился ровно в хвост серебристой *Volvo*, сохраняя дистанцию ровно в один корпус автомобиля.

В моей груди мгновенно включился тот самый холодный, расчетливый компьютер, который включается во время самых опасных кризисов. Это была не случайность. Это была профессиональная слежка. Жесткая, наглая, рассчитанная на психологическое давление.

Елена свернула на набережную. Дорога здесь была скользкой от мокрой листвы и дождя. Неоновые огни моста отражались в воде длинными, рваными полосами, похожими на следы от когтей. *Volvo* шла на скорости около шестидесяти километров в час. *Escalade* шел за ней шаг в шаг.

Я прибавил газ. Мотор *Panamera* отозвался низким, утробным рыком, и машина послушно рванула вперед, сокращая дистанцию.

В какой-то момент набережная опустела — поток машин ушел на развязку. Елена осталась один на один с черным монстром за спиной. И тут внедорожник начал действовать агрессивнее. Он включил дальний свет, ослепляя её через зеркала заднего вида, и приблизился к бамперу её *Volvo* практически вплотную. Расстояние между ними сократилось до полуметра. Это был откровенный прессинг. Они пытались выдавить её с дороги или заставить совершить ошибку на скользком асфальте.

Я видел, как *Volvo* вильнула в сторону, колеса на секунду потеряли сцепление с дорогой на мокрой разметке. Она паниковала. Я буквально физически, через металл и стекло своего автомобиля, чувствовал, как внутри её маленькой серебристой машинки кричит от ужаса женщина, которая привыкла контролировать мир с помощью книжных теорий.

— Ну уж нет, уроды, — процедил я сквозь зубы. Мои пальцы до хруста сжали кожаную оплетку руля.

Мой внутренний инстинкт хищника больше не просто ворочался — он полностью взял управление моим телом. Мне было плевать, кто сидит в этом внедорожнике — шестерки Шелла, люди картеля или кто-то еще. Они пришли на мою территорию. Они пытались сломать то, что принадлежало мне по праву этой интеллектуальной войны.

Я переключил коробку передач в спортивный режим. Подвеска *Porsche* мгновенно зажалась, мотор взвыл, готовый к прыжку.

Я резко перестроился в левый ряд, обошел *Escalade* по дуге и, выжав педаль газа в пол, бросил свою двухтонную машину в узкий промежуток между внедорожником и машиной Елены. Это был безумный, опасный маневр на грани фола. Заднюю ось *Panamera* на долю секунды повезло в занос на мокром асфальте, но электроника и мой собственный опыт выровняли траекторию.

Я вклинился прямо перед мордой *Cadillac*. Резина взвизгнула, тормозные огни моего автомобиля вспыхнули кроваво-красным прямо перед лобовым стеклом преследователей.

Водителю внедорожника пришлось резко ударить по тормозам, чтобы не протаранить мой бампер. Тяжелую тушу *Escalade* качнуло вперед, колеса заблокировались, издавая сухой, прерывистый скрежет антиблокировочной системы. Они были вынуждены сбросить скорость и отстать.

В зеркало заднего вида я видел, как черное лобовое стекло внедорожника приблизилось, а затем снова отдалилось. Мы ехали так несколько километров: впереди — серебристая *Volvo* Елены, которая, кажется, даже не поняла, что произошло, посередине — мой черный *Porsche*, работающий как стальной щит, и сзади — ошетилившийся фарами *Cadillac*. Это был безмолвный, смертельно опасный танец на скорости под сто километров в час среди серого городского тумана.

Я заставил их держать дистанцию. Каждый раз, когда внедорожник пытался перестроиться, чтобы обойти меня, я плавно смещал свою машину, перекрывая им полосу. Я играл с ними в их собственную игру, демонстрируя абсолютное, холодное превосходство на дороге.

Наконец, когда мы приблизились к жилому кварталу, где находился дом Елены, водитель *Escalade* понял, что пройти через меня не удастся без открытого тарана. Внедорожник моргнул фарами — словно давая понять, что они приняли правила игры, но запомнили мою машину, — и резко свернул во двор перед эстакадой, растворяясь в серой жиже тумана и вечерних переулков.

Я сбросил скорость. Мое дыхание было ровным, но сердце стучало в уши тяжелыми, адреналиновыми ударами. Пальцы на руле покалывало.

Volvo Елены свернула к своему элитному жилому комплексу. Я медленно поехал следом, остановившись у обочины через дорогу от её подъезда.

Я выключил фары, но не стал глушить мотор. Через лобовое стекло я видел, как она припарковала машину у самого крыльца — туда, где было больше всего света от уличных фонарей и камер наблюдения. Она выскочила из салона, даже не закрыв до конца водительскую дверь (ей пришлось вернуться и захлопнуть её), и почти бегом бросилась к массивной стеклянной двери подъезда. Внутренний свет холла на секунду озарил её хрупкий силуэт, а затем тяжелая дверь закрылась, отрезая её от внешнего мира.

Я перевел взгляд на четвертый этаж. Прошло около двух минут, прежде чем в одном из окон загорелся мягкий, теплый свет. Занавески были немедленно задернуты, плотно, без малейшего зазора.

Я откинулся на спинку кресла и достал из бардачка пачку сигарет. Я редко курил в машине — не любил, когда салон пахнет табаком. Но сейчас мне это было необходимо. Зажигалка щелкнула, бледный огонек на секунду выхватил из темноты мои сжатые губы и жесткую линию челюсти.

Я затаился, чувствуя, как горький, горячий дым наполняет легкие.

В тумане, на углу улицы, метрах в ста от меня, снова мелькнули характерные очертания черного *Escalade*. Он стоял с погашенными огнями, просто наблюдая за домом.

Они не ушли. Они просто сменили тактику.

Я посмотрел на светящееся окно на четвертом этаже, затем на темный силуэт внедорожника в зеркале заднего вида. Моя ухмылка вернулась, но теперь в ней не было ни капли флирта или судебного цинизма. Это была чистая, обнаженная агрессия.

— Ну что ж, поиграем, — тихо произнес я, стряхивая пепел в окно. — Посмотрим, чья одержимость окажется сильнее.

Я не собирался уезжать отсюда этой ночью.

Глава 6

Елена

Один. Два. Три.

Три поворота тяжелого ригельного ключа. Сухие, металлические щелчки присели в тишине прихожей, как послушные сторожевые псы. Затем верхний засов. Затем цепочка. Только после этого мои плечи опустились примерно на сантиметр, а легкие наконец сообразили, что им нужно впустить воздух.

Я прижалась лбом к прохладной поверхности дубовой двери. Сердце колотилось о ребра так сильно, что звук отдавал в барабанных перепонках. Это была тахикардия, чистая биохимия — выброс адреналина и кортизола. Мое тело все еще реагировало на безумную гонку по набережной. Я видела в зеркалах заднего вида этот проклятый черный внедорожник, видела, как он прижимался к моему бамперу, ослепляя дальним светом. И я видела, как между нами возник стальной щит — низкий, стремительный силуэт *Porsche Panamera*, который буквально вытолкнул преследователя из моей полосы.

Денис. Я знала, что это был он. Такую наглуую, филигранную и смертельно опасную манеру вождения невозможно перепутать. Зачем он это сделал? Спасал свою главную судебную игрушку? Защищал свои интересы? Или это была часть его «нарциссического захвата», о котором я так уверенно распиналась в кофейне?

«Перестань думать о нем, Ланская», — приказала я себе, отстраняясь от двери.

В квартире царил полумрак. Мое стерильное, идеальное убежище. Здесь не было ярких цветов, только серые, графитовые и белые тона. Никаких мягких ковров, в которых могут затаяться чужие следы — только гладкий, холодный наливной пол. Я не включала верхний свет, активировав лишь рассеянную диодную подсветку вдоль плинтусов.

Я прошла на кухню, швырнула кожаный портфель на кухонный остров и посмотрела на свои руки. На подушечках пальцев все еще виднелись серые разводы. Запах гари от конверта, оставленного на парковке, казался ввевшимся под ногти, в поры кожи, в саму ткань моего серого костюма. Он душил меня. Этот запах проникал в легкие, напоминая о том, что моя стерильная крепость больше не гарантирует безопасности.

Мне нужно было смыть этот день. Смыть зал суда, Кросса с его прозрачными глазами и тяжелым дыханием, мокрую набережную и этот чертов пепел.

Я быстрыми, почти судорожными движениями начала сбрасывать с себя одежду прямо в гостиной. Пиджак полетел на кресло. Брюки — на пол. Я расстегивала пуговицы рубашки, чувствуя, как ткань липнет к влажной от нервного пота спине. Оставшись в одном белье, я перешагнула порог ванной комнаты.

Здесь все было выложено матовым черным керамогранитом. Огромное зеркало во всю стену над раковиной сейчас отражало мою бледность. Я повернула ручку смесителя до упора вправо. Зашумела вода. Почти кипяток.

Я шагнула под тяжелые, жесткие струи душевой лейки, даже не дождавшись, пока вода остынет до комфортной температуры. Горячие капли ударили по плечам, обжигая кожу, заставляя ее мгновенно покраснеть. Я зажмурилась, подставив лицо под воду.

«*Одержимость — это не про любовь. Это про дефицит*», — всплыли в голове мои собственные слова с утренней лекции.

Какая ирония. Профессор Ланская так много знает об одержимости на бумаге, но сейчас её собственная психика трещала по швам от страха. Настоящий сталкер не играет по правилам. Он разрушает твой привычный мир, дюйм за дюймом, пока ты не останешься абсолютно голой и беззащитной перед его лицом.

Вода стекала по моему телу, смывая липкий страх, но перед глазами с пугающей четкостью всплывало лицо Дениса. Его ухмылка в кофейне. То, как он смотрел на мою расстегнутую пуговицу. Его бархатный, вибрирующий шепот: *«Вы горели, Ланская»*. Этот мужчина был другой формой опасности. Если преследователь на внедорожнике хотел разрушить мою жизнь физически, то Кросс целился глубже — он хотел разрушить мой разум. Он хотел подчинить себе мой контроль. И хуже всего было то, что мое тело, вопреки всей логике, отзывалось на эту угрозу странным, тягучим, запретным импульсом внизу живота. Контраст холодной логики и горячего, первобытного влечения.

Ванная комната медленно заполнялась густым, плотным белым паром. Воздух стал влажным и тяжелым, пахнувшим моим гелем для душа с нотами вербены. Звук падающей воды заглушал всё остальное мирское существование. Я стояла под струями минут пятнадцать, пока моя кожа не начала гореть от жара, а мысли наконец не замедлили свой бешеный бег.

Я выключила воду.

Шум резко прекратился, оставив после себя оглушительную, почти осязаемую тишину. Было слышно только, как редкие капли срываются с лейки и со стуком падают на поддон. *Кап. Кап. Кап.*

Я потянулась за полотенцем, висевшим на крючке у двери, и обернула его вокруг тела, туго завязав над грудью. На секунду мне показалось, что воздух в ванной стал... холоднее. Словно вентиляция сработала слишком сильно. Или кто-то открыл дверь в прихожую?

Мое сердце пропустило удар.

— Лена, у тебя паранойя, — тихо произнесла я вслух, но мой собственный голос прозвучал как-то чуждо в этом матовом пространстве.

Я подошла к раковине. Огромное зеркало полностью запотело, покрывшись ровным, непроницаемым слоем белого конденсата. Я подняла руку, собираясь ладонью протереть стекло, чтобы увидеть свое отражение, но моя рука застыла в воздухе, так и не коснувшись поверхности.

На зеркале уже было что-то написано.

Кто-то вытер конденсат до меня. Точнее, кто-то оставил надпись прямо поверх пара, используя жирную, маслянистую субстанцию. Буквы были крупными, неровными, с подтеками. Они выделялись на белом стекле жутким, кроваво-красным цветом.

Я присмотрелась, чувствуя, как внутренности скручивает ледяной, парализующий спазм. *«Ты плохо меня изучила, профессор»*.

И подпись чуть ниже — нарисованный тем же красным цветом крошечный язычок пламени.

Я сделала шаг назад, моя спина ударилась о холодную плитку душевой кабины. Мое дыхание стало частым, поверхностным. Паника, которая до этого дремала под воздействием горячей воды, хлынула наружу с новой, сокрушительной силой.

Они использовали мою собственную помаду. Тот самый тюбик от *Chanel* оттенка глубокого бордо, который всегда лежал в органайзере на туалетном столике в спальне.

Кто-то был здесь. Кто-то вошел в мою квартиру, пока я была в душе. Пока шумела вода, заглушая любые звуки. Этот человек прошел мимо трех моих хваленых замков, мимо цепочки. Он ходил по моей гостиной, зашел в мою спальню, взял мою помаду... и стоял прямо за этой дверью, пока я стояла голая под струями воды. Он мог войти. Мог сделать со мной все, что угодно. Но он предпочел оставить это послание.

Запах вербены в воздухе мгновенно исчез. Его вытеснил другой аромат — приторный, химический запах дешевой помады, смешанный с... о господи. Я принялась. На краю раковины лежала небольшая горсть серого, сухого пепла. Он все еще слабо пах гарью.

Они не просто взломали мою квартиру. Они взломали мою жизнь.

Я выскочила из ванной комнаты, едва не поскользнувшись на наливном полу. Полотенце сползло, я придерживала его одной рукой, дико оглядываясь по сторонам. — Кто здесь?! — закричала я, но ответом мне была лишь тишина.

В гостиной все вещи лежали на своих местах. Мой пиджак на кресле, брюки на полу. В спальне — идеальный порядок, если не считать открытого органайзера, из которого исчез тюбик помады. Ничего не украдено. Ноутбук на столе, дорогие часы на комод — всё нетронуто. Это грабителям нужны вещи. Моему преследователю нужен был мой разум. Он хотел показать, что контролирует меня полностью. Что моя безопасность — это иллюзия.

Я подбежала к входной двери. Все три замка были закрыты. Цепочка накинута.

Мой мозг, мой великий аналитический инструмент, просто отключился. На его месте остался первобытный, чистый ужас. Я не могла оставаться в этой квартире ни секунды. Стены словно начали сжиматься, давя на меня, лишая кислорода. Мне казалось, что преследователь все еще здесь, прячется в темноте гардеробной или за портьерами, наблюдая за моей паникой.

Дрожащими руками я сорвала с вешалки в прихожей свое длинное бежевое пальто, накинула его прямо поверх мокрого тела и махрового полотенца. Я не искала обувь — просто сунула голые ноги в первые попавшиеся домашние шлепанцы на плоской подошве. Схватила с тумбочки телефон и ключи от машины.

Я судорожно открыла замки, распахнула дверь и вылетела на лестничную клетку.

Лифт казался слишком медленным, закрытая кабина — очередной ловушкой. Я бросилась вниз по бетонным ступеням пожарной лестницы. Четвертый этаж, третий, второй... Мои шлепанцы шлепали по бетону, эхо разносилось по пустому подъезду. Я задыхалась, легкие горели от холодного воздуха, который проникал через открытые окна лестничных пролетов.

Я толкнула тяжелую металлическую дверь подъезда и вырвалась на улицу.

Город встретил меня глухим, плотным серым туманом. Октябрьская ночь была холодной, ледяная морось мгновенно опустила на мои обнаженные ключицы в вырезе пальто. Но я не чувствовала холода. Я бежала по мокрому асфальту к своей парковке, не разбирая дороги. Мои ноги в легких шлепанцах скользили по влажным опавшим листьям.

Вокруг не было ни души. Фонари горели тускло, их свет тонул в туманной взвеси, создавая длинные, пугающие тени.

Я выскочила за ворота жилого комплекса, собираясь добежать до машины, но в этот момент из серой гущи тумана, ослепляя меня, наперерез выкатились две мощные светодиодные фары.

Я зажмурилась, выставив руку вперед. Послышался резкий, пронзительный визг тормозной резины. Тяжелая туша автомобиля юзом пошла по мокрому асфальту, останавливаясь буквально в тридцати сантиметрах от моих коленей. Поток воздуха от резко затормозившей машины ударил по полам моего пальто.

Моя нога поскользнулась на мокром листе, и я, потеряв равновесие, тяжело повалилась назад, прямо на сырой, грязный асфальт. Телефон вылетел из руки и со стуком покатился куда-то под колеса.

Я сидела на земле, тяжело дыша, прижимая к себе полы пальто. Сердце готово было разорваться. Пред глазамиплыли цветные круги от фар.

Раздался сухой, четкий шелчок открывающейся двери. Из салона автомобиля — низкого, хищного *Porsche Panamera* — на мокрый асфальт ступила пара безупречно начищенных туфель.

Денис Кросс вышел из машины. На нем не было пальто — только черная рубашка с закатанными до локтей рукавами и строгие брюки. Он двигался быстро, его движения были резкими, лишеными прежней вальяжности. В два шага он преодолел расстояние между нами, опустился передо мной на одно колено прямо в дорожную грязь и мертвой хваткой вцепился своими большими, горячими ладонями в мои плечи.

— Ты с ума сошла, Ланская?! — рявкнул он. Его голос, обычно бархатный, сейчас вибрировал от настоящей, неконтролируемой ярости. — Какого черта ты творишь? Ты едва не прыгнула мне под колеса!

Я смотрела на него снизу вверх через запотевшие стекла очков, которые съехали на кончик носа. Его лицо было совсем близко — жесткое, бледное, с бешено бьющейся жилкой на виске. Светлые глаза горели опасным, диким огнем. От него исходило столько тепла, что туман вокруг нас, казалось, начал рассеиваться.

Я попыталась оттолкнуть его, но мои руки дрожали, а пальцы были слабыми. — Отпусти меня, Кросс... Отпусти! Что ты здесь делаешь? Ты... ты следил за мной? Это ты сделал?!

— Что «это»? — его пальцы сжались на моих плечах еще сильнее, заставляя меня сфокусировать на нем взгляд. Он опустил глаза ниже, замечая, что на мне нет нормальной одежды — только пальто, наспех набросанное на голое тело, из-под которого виднелся край мокрого махрового полотенца, и голые ноги в грязных домашних шлепанцах.

Его взгляд мгновенно изменился. Ярость уступила место чему-то тяжелому, темному и пугающе собственническому. Его челюсть сжалась так, что послышался хруст.

— Ланская, — его голос упал до опасного, глухого шепота. — Что произошло в квартире? Говори. Живо.

— Он... он был там, — из моих глаз против моей воли брызнули слезы. Это была капитуляция моего разума перед чистым шоком. Я ненавидела себя за эти слезы, ненавидела свою уязвимость перед этим циничным адвокатом, но я больше не могла держать маску. — Я была в душе... Вода шумела. Он зашел. Он оставил надпись моей помадой на зеркале. И пепел... Там снова этот проклятый пепел, Денис!

Когда я произнесла его имя, его ладони на моих плечах на секунду дрогнули. Он перевел взгляд на окна четвертого этажа, где все еще горел мягкий свет, а затем снова посмотрел на меня. В его прозрачных глазах отразилось такое глубинное, первобытное бешенство, от которого мне стало еще страшнее, чем от надписи в ванной. Этот мужчина прямо сейчас выглядел способным на убийство.

— Сукин сын, — тихо процедил он.

Он резко поднялся, увлекая меня за собой. Мои ноги подкосились, но Денис не дал мне упасть. Он подхватил меня под поясицу, прижимая мою хрупкую, дрожащую тушку к своему широкому, твердому телу. Контраст его горячей кожи через тонкую ткань рубашки и моего промокшего под пальто тела был настолько острым, что у меня перехватило дыхание. Это была чистая, обнаженная осязаемость.

Он открыл пассажирскую дверь своего *Porsche*, буквально засунул меня внутрь на дорогое кожаное сиденье и захлопнул дверь, отрезая меня от тумана и холода. Через секунду он обошел машину, поднял с асфальта мой телефон и сел на водительское кресло.

В салоне пахло сандалом, дорогой кожей и сигаретным дымом. Включился мощный климат-контроль, наполняя пространство сухим, горячим воздухом. Меня продолжало крупно трясти.

Денис перегнулся через центральную консоль, приближаясь ко мне так близко, что я видела каждую пору на его лице. Его рука потянулась к моему ремню безопасности. Его предплечье, покрытое аккуратными венами, на секунду прижалось к моей груди, фиксируя замок.

— Сиди здесь и не двигайся, — приказал он. Его тон не терпел возражений. Он потянулся к заднему сиденью, взял свой тяжелый черный кашемировый плащ и набросил его поверх моего пальто, укутывая меня как ребенка. — Заблокируй двери изнутри. Я пойду проверю квартиру.

— Нет! — я схватила его за рукав рубашки. Мои грязные от пепла пальцы оставили темные следы на безупречном черном хлопке. — Не ходи туда. Вдруг он еще там? Вызови полицию...

Денис посмотрел на мою руку на своем рукаве, затем поднял взгляд к моим глазам. Его губы тронула бледная, пугающая ухмылка — та самая, с которой он уничтожал свидетелей.

— Полиция будет оформлять протоколы три часа, Ланская. А я хочу лично посмотреть, кто научил этого ублюдка ходить сквозь мои замки. Если он еще там... что ж, ему очень не повезло. Запри дверь.

Он вылез из машины, и центральный замок щелкнул, запирая меня в этом роскошном стальном коконе. Я смотрела через лобовое стекло, как его высокая, широкоплечая фигура быстрыми, хищными шагами скрывается за стеклянными дверями моего подъезда.

Я осталась одна в полумраке салона *Porsche*. Горячий воздух обдувал мои голые ноги, кашемировый плащ Дениса пах им — так сильно, глубоко, что этот запах казался осязаемой защитой. Я прижала плащ ближе к подбородку, утыкаясь носом в воротник. Мой аналитический ум медленно, со скрипом, начинал возвращаться.

Я поняла две вещи. Первая: моя стерильная теория одержимости на бумаге окончательно сгорела, оставив после себя реальный пепел. Вторая: человек, который сейчас пошел в мою квартиру, был самым циничным подонком в суде, но прямо сейчас он был единственным, кто стоял между мной и моим персональным кошмаром. И эта связь, возникшая между нами посреди тумана и грязи, уже не поддавалась никаким научным теориям.

Глава 7

Денис

Квартира Ланской пахла именно так, как я и ожидал: стерильностью, старыми книгами и едва уловимым ароматом вербены, который теперь безжалостно душила едкая, химическая отдушка бордовой помады. И пепел. Этот сухой, мертвый запах пожарища, который я узнал бы из тысяч.

Я стоял посреди её ванной комнаты, засунув руки в карманы брюк, и разглядывал надпись на зеркале. *«Ты плохо меня изучила, профессор»*. Жирные, неровные буквы. Красный пигмент въелся в стекло, смешиваясь с каплями стекающего конденсата. Под ногами, на матовом черном керамограните, сиротливо темнела кучка серого праха.

Я подошел ближе. Наклонился и провел пальцем по ободку раковины. На подушечке остался серый след. Настоящий пепел. Сожженное дерево, смешанное с углем.

Затем я вернулся к входной двери. Внимательно осмотрел замочные скважины, подсвечивая себе фонариком телефона. Никаких следов взлома. Никаких царапин на сувальдах, никаких сколов на броненакладке. Идеальная работа. Замки высшего класса безопасности открыли отмычками-декодерами за считанные секунды. Накинутую изнутри цепочку просто обошли с помощью гибкого троса с петлей — старый, примитивный трюк, против которого бессильны любые электронные системы, если ты оставляешь хоть полсантиметра зазора между дверью и косяком.

Это был не Артур Шелл. И это был не сумасшедший фанат-сталкер, начитавшийся её лекций. Профессиональное проникновение. Чистая демонстрация силы. Ей не хотели причинить физический вред — пока нет. Ей хотели показать, что её стерильный, безопасный мир полностью разрушен. Что её жизнь больше не принадлежит ей.

Я выключил фонарик и потемнел от злости. Вся эта история с Шеллом с самого начала пахла тухлятиной, но теперь карты легли на стол. Шелл — не просто сумасшедший пироман. Он пешка. Исполнитель для теневого синдиката, который использовал его одержимость, чтобы зачищать коммерческую недвижимость конкурентов. И мой высокопоставленный заказчик, нанявший меня защищать этого придурка, явно рассчитывал, что я тихо и технично уберу профессора Ланскую с доски с помощью юридических уловок.

Но синдикат решил подстраховаться. Они поняли, что Ланская — кремень. Что её экспертиза «вменяем» заколотит Шелла в камеру смертников, откуда он начнет говорить, чтобы спасти свою шкуру. Эти угрозы, этот пепел в машине, этот визит в её ванную — всё это было ультиматумом. *Измени показания, профессор. Признай его безумным. Напиши, что он действовал в состоянии аффекта. Или следующий пепел будет от твоего собственного тела.*

Если я сейчас вызову полицию, что произойдет? Приедет дежурная группа. Два часа они будут собирать отпечатки, которых здесь нет, потому что исполнитель явно работал в латексных перчатках. Потом они составят протокол. Завтра дело передадут следователю. Елене предложат «программу защиты свидетелей» — её переселят в ободранную служебную квартиру на окраине с одним участковым у двери, которого кураторы синдиката купят за цену хорошего ужина.

Полиция слишком медлительна. Система неповоротлива. А времени у нас не было — завтра в десять утра продолжение процесса.

— Ну уж нет, — тихо процедил я в темноту прихожей. Моя челюсть сжалась до хруста. — Вы решили сыграть грязно на моей территории? Посмотрим, как вам понравится моя игра.

Я развернулся, захлопнул дверь квартиры Ланской, запер её на все замки и быстрыми, решительными шагами направился к лифту. У меня был план. Опасный, абсолютно незаконный и иррациональный, но единственный верный.

Когда я сел в салон *Porsche*, Елена сидела точно в такой же позе, в какой я её оставил. Вцепившись пальцами в воротник моего плаща, укутанная в него по самые уши. Её очки запотели от её собственного прерывистого дыхания, а лицо в полумраке казалось фарфоровой маской. Она мелко дрожала, и этот беззвучный трепет её тела передавался даже кожаному сиденью автомобиля.

Я завел мотор. Машина глухо рывкнула, заполняя салон низким, осязаемым гулом. Я включил передачу и плавно выехал с парковки.

— Куда мы едем? — её голос прозвучал тихо, хрипло, полностью лишенный прежней профессорской надменности. — В отделение? Нужно... нужно написать заявление. У них есть криминалисты. Они должны снять отпечатки со стекла. Моя помада...

— Забудь о полиции, Елена, — отрезал я, крутя руль и выводя машину на проспект. Огни ночного города расплывались на лобовом стекле сквозь пелену тумана.

Она резко повернула голову ко мне. Запотевшие стекла её очков блеснули в свете приборной панели. — Что значит «забудь»? Кросс, в мою квартиру проникли! Это уголовное преступление! Я свидетель, я эксперт...

— Твоя полиция приедет, опишет твою помаду, заставит тебя подписать тридцать бумажек и оставит тебя спать в этой же квартире, — мой голос был жестким, холодным, бьющим наотмашь, чтобы выбить её из состояния шока. — Или ты хочешь вернуться туда? Хочешь лечь в постель и прислушиваться к каждому шороху в вентиляции, гадая, стерли они пепел с твоей подушки или нет?

Она осеклась. Я буквально кожей почувствовал, как её аналитический мозг попытался переварить эту картину, и как её тело отреагировало новой вспышкой судорожной дрожи.

— Но... законный порядок... — попыталась вставить она, слабея с каждым словом.

— Законный порядок умер в тот момент, когда они подобрали отмычки к твоей двери, профессор, — я бросил на нее быстрый, сканирующий взгляд. Контраст её бледного лица и моего огромного черного плаща, в который она была завернута, выглядел почти интимно. Она казалась такой хрупкой, такой беззащитной в этом дорогом кожаном салоне. Мой внутренний хищник удовлетворенно зарычал. — Твой поджигатель связан с людьми, которые покупают судей на завтрак и следователей на обед. Твоя экспертиза для них — кость в горле. Они не сталкеры-одиночки. Это профессионалы. И если ты останешься в городе, завтра до суда ты просто не дойдешь.

— И что ты предлагаешь? — в её голосе послышались панические нотки. Она сжала ткань плаща сильнее. — Спрятать меня? Где? У тебя? Кросс, мы оппоненты в процессе! Это конфликт интересов, это... это незаконно!

Я не смог сдержать короткой, циничной ухмылки. Мы летели по ночной трассе, оставляя серые кварталы города позади.

— Елена, дорогая, — мой голос стал тише, приобретая тот самый бархатный, вибрирующий оттенок, от которого вчера в кофейне она едва не потеряла равновесие. — Плевать я хотел на конфликт интересов, когда речь идет о том, что мою лучшую игрушку пытаются сломать до того, как я закончу с ней играть. Твои книжные теории о законности не дышат здесь, в грязи. Сейчас ты делаешь то, что я говорю. Ты сидишь тихо, греешься и не мешаешь мне спасти твою упрямую шкуру.

— Ты невыносимый, высокомерный психопат, — процедила она сквозь зубы, отворачиваясь к окну. Но я заметил, как она плотнее завернулась в мой плащ, утыкаясь носом в его воротник. Она приняла условия. Капитулировала перед моей силой, потому что её собственная логика больше не давала ответов.

Мы ехали больше часа. Городской неон сменился сплошной, густой темнотой загородного шоссе. Дождь здесь припустил с новой силой, крупные капли с глухим стуком разбивались о крышу *Porsche*. Елена молчала. Пару раз я косился на нее — она сидела, прикрыв глаза,

её дыхание немного выровнялось под воздействием тепла климат-контроля, но пальцы всё еще судорожно сжимали кашемир.

Я свернул с трассы на узкую, закрытую дорогу, ведущую через вековой сосновый бор. Высокие деревья обступили машину с двух сторон, их ветки черными лапами тянулись к стеклам в свете наших фар. Текстура дороги изменилась — колеса шуршали по мелкому гравию.

Наконец впереди, среди глухой лесной чащи, показался силуэт моего дома.

Это было модернистское сооружение из монолитного бетона, грубого темного дерева и огромных панелей закаленного стекла. Никаких скатных крыш, никаких уютных завалинок — жесткая, брутальная архитектура, идеальный куб, врезанный прямо в скалистый ландшафт. В темноте и дожде он выглядел как футуристическая крепость или секретный бункер. Заборов не было — их роль выполнял густой лес и естественный обрыв с одной стороны.

Я нажал кнопку на брелоке. Тяжелые металлические ворота подземного гаража плавно поползли вверх, впуская машину внутрь. Залитый стерильным белым светом гараж пах бензином, дорогой резиной и чистым бетоном. Я заглушил мотор. Тишина обрушилась на нас мгновенно, прерываясь лишь тихим потрескиванием остывающего глушителя.

Я вышел из машины, обошел её и открыл пассажирскую дверь. Елена посмотрела на меня снизу вверх. Её очки окончательно съехали, обнажая испуганные, глубокие темные глаза.

— Выходи, профессор, — тихо сказал я, протягивая ей руку. — Приехали. Безопасное место.

Она помедлила секунду, затем вложила свою маленькую, ледяную ладонь в мою. Её пальцы были тонкими, кожа — мягкой и влажной. Моя большая ладонь полностью поглотила её руку. Я ощутил, как через это мимолетное прикосновение между нами снова прошел тот самый электрический ток — запретный, магнетический импульс, который мы оба так тщательно отрицали.

Елена попыталась встать, но её ноги в грязных домашних шлепанцах, надетых на босую ногу, скользнули по гладкому полу гаража. Колени подкосились, её бежевое пальто распахнулось, обнажая полоску белого махрового полотенца над грудью и длинные, стройные бедра.

Я не дал ей упасть. Моя реакция была быстрее её паники. Я перехватил её под лопатки и под бедра, легко отрывая от земли.

— Кросс! Что ты... отпусти! Я могу идти! — она слабо забилась в моих руках, её ладони уперлись в мои плечи. Её горячее, частое дыхание коснулось моей шеи, и это было настолько интимно, что у меня внутри все перевернулось.

— Заткнись, Ланская, — рыкнул я, неся её к дверям лифта, ведущего из гаража в жилую зону. — Ты грязная, мокрая и босая. Если ты сейчас сломаешь себе еще и лодыжку, мне придется лечить тебя, а не защищать. Хватит с меня твоего упрямства на сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.